

ОБРАЗЫ КИТАЯ И КИТАЙЦЕВ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ МОНГОЛОВ

Анализируются образы Китая и китайцев, используемые как средства консолидации монголов в гражданскую нацию. Рассматриваются исторические корни стабильно негативных чувств и страхов, испытываемых монголами по отношению к южному соседу. Большинство причин системных проблем монгольской экономики и социальной сферы связывается в обыденном представлении с подрывной деятельностью китайцев. Демонстрируются примеры китайских интервенций в культурное наследие монголов и типичные китайские фобии монголов. Анализируется положительный образ Китая, трансформируемый через институты «мягкой силы». Показывается, как желание Монголии выйти из-под влияния России и Китая вылилось в концепцию «третьего соседа».

Ключевые слова: Монголия; Китай; монголы; синофобия; самосознание; нация; образ Другого.

Монголия на всём протяжении новейшей истории находится под влиянием двух своих соседей – России и Китая. В условиях соцлагеря КНР виделась как угроза безопасности и независимости МНР. Суть такого понимания не только обусловлена исторически, но и лежит в традиционной ориентации монголов по сторонам света, согласно которой впереди находится юг, а север – позади. Таким путём «старший брат» (СССР) надёжно защищал тылы, фронтально же монголы были обращены в сторону идеологического противника – сначала гоминьдановского Китая, а затем маоистской КНР. Внешнеполитические амбиции соседей страны степей уготовили ей роль буфера, которую она играла на протяжении большей части XX в., хотя известный китаевед, профессор Ю.М. Галенович считает, что термин «буфер» не может быть применим в данной ситуации, поскольку Монголия проводила самостоятельную и не зависимую от России политику. Скорее, наша страна выступала в этой роли, защищая МНР «от наскоков японцев да и определённых сил в Китае» [1. С. 298]. Современная Монголия пытается избавиться от «комплекса буфера», но географические реалии не благоприятствуют этому.

Пограничной китайской провинцией для МНР стал Автономный район Внутренняя Монголия (АВРМ), а её население – внутренние монголы, бывшие соплеменники внешних – стали ближайшими соседями последних. Целенаправленная политика правительств МНР и КНР на социокультурное разделение двух групп монголов разрушила у населения обеих сторон чувство гомогенности и родственности, прежде подпитывавшее панмонголистские настроения. Так, в глазах монголов МНР внутренние монголы стали китайцами, что было унаследовано современными постсоциалистическими потомками первых.

Образы КНР, Российской Федерации и населения данных стран занимают своё место в национальном самосознании монголов. На рубеже XX–XXI вв. руководством Монголии начали выстраиваться активные внешнеполитические отношения с «третьим соседом». Под этим словосочетанием обычно понимается совокупность государств Западной Европы, Северной Америки, Южная Корея и Япония. Причём «США являются важнейшим “третьим соседом” Монголии», – как недавно выразился Б. Алтангэрэл, чрезвычайный и полномочный посол Монголии в этой стране [2. С. 2].

С начала 1990-х гг. образ нового игрока и демократические ценности в специфической западной интерпретации также становятся частью национального самосознания монголов, особенно молодёжи, либерально настроенной общественности и политической элиты. Стабильно положительные эмоции по отношению к СССР-России испытывают представители социалистического поколения. Так мы называем монголов, получивших образование в СССР, владеющих русским языком и разочаровавшихся в «монгольской демократии». Это последняя неофициальная нить, связывающая наши страны. Но сегодня в Монголии – стране с высокой долей рождаемости и значительным процентом молодёжи в структуре населения – выросло целое поколение, не имеющее никакого представления о СССР и крайне слабое – о роли Советского Союза в истории их страны.

Политика «третьего соседа» считается попыткой выйти из-под влияния Китая и России, но с началом проведения в Монголии демократических преобразований, в русле которых осуществлялся обозначенный курс внешней политики, не все граждане были за такую расстановку приоритетов. Вероятнее всего, главная причина этого заключается в культуртрегерской деятельности «социалистического поколения», исторической памяти о благополучном социалистическом прошлом (по сравнению с настоящим переходного периода) и активизации националистических и ксенофобских настроений. На заре новой Монголии националисты обвиняли правительство в том, что отдельные его члены являются не монголами, а предателями из-за их прозападных настроений. Более радикально настроенные критиковали ряд законов страны как базирующиеся на западноевропейских и американских моделях. В противовес этому предлагалось брать за основу законодательства идеальное кочевое наследие Монголии. Продолжающаяся зависимость Монголии от иностранной финансовой помощи напоминает некоторым исследователям советские дотации периода социализма, что также даёт почву для рассуждений о новом колониальном положении страны [3. Р. 360].

Исторические предпосылки. Широко распространённое среди населения Монголии восприятие Китая и китайцев как «чужого» (или как врага) имеет свои исторические корни. Китайцы всегда воспринимали кочевников как иных – варваров. Следова-

но, и у последних не было никаких оснований питать тёплые чувства к цивилизованным ханьцам.

Военное противостояние между кочевым и оседлым миром продолжалось вплоть до окончательного присоединения монголов к империи Цин, которое произошло после уничтожения Джунгарского ханства в середине XVIII в. С этого времени монголы стали частью маньчжурского государства. Расселение ханьцев на территории современной Монголии было ограничено. Право сезонно проживать «за стеной» имели торговцы, которые своим поведением формировали портрет китайца в глазах монголов. Одни из самых ранних источников, фиксирующих факт ксенофобии монголов по отношению к китайским торговцам, датируются серединой XIX в. [4. Р. 38], но, очевидно, это было свойственно и более раннему времени. Примером видения в китайцах причины массового заражения монголов венерическими заболеваниями служит этимология слова «сифилис», в одном из вариантов переводимого как *хятад яр* (досл. «китайская язва»). Здесь есть и реальные основания, и элемент представления китайцев врагами.

Колонизация цинской властью Внешней Монголии через увеличение численности войск, расширение торговых сетей и переселение китайцев усилилась в начале XX в., что в результате привело к освободительному движению монголов и провозглашению автономии страны в 1911 г. Негативное отношение к китайским торговцам как спланивавший всех монголов фактор постепенно стал условно-традиционным механизмом сохранения идентичности и прошёл сквозь века вплоть до наших дней.

Образ Китая как фактор национальной консолидации монголов. Ничто так не сплачивает нацию, как наличие внешней угрозы или общего врага. В 1990-е гг. агрессивная риторика национальных идеологов Монголии была направлена в сторону СССР. Именно он считался главным виновником утраты монголами своей культурной самобытности. Некоторые авторы винили Советский Союз в массовом переводе монголов на оседлость, что лишало их традиционных корней. В то же время среди модернистов в 1990-х – начале 2000-х гг. выделялись мнения полагающих, что нужно идти в ногу со временем и со всем миром, отказавшись от архаического кочевого образа жизни и, вероятно, мышления.

Китайская угроза – стабильный страх современных монголов. Это обстоятельство, по мнению французского антрополога Ф. Бийе, умело использовалось советскими идеологами и было постоянной темой в эпоху социализма, оправдывая введение советских войск в МНР в конце 1960-х гг. [5. Р. 187–203] Ф. Бийе в книге «Синофобия: тревога, насилие и формирование монгольской идентичности» рассуждает о советских корнях феномена нелюбви и боязни китайцев и Китая. По мнению автора, синофобия сформировалась в 1960–1990 гг. в условиях политики интернационализации. Так Монголия хотела уйти от своей азиатскости. Данная точка зрения крайне спорная, но исследователь в своих выводах основывается на многочисленных интервью и широком круге ис-

точников. Улан-Удэнский политолог В.А. Родионов, проанализировав монгольские СМИ, отмечает наличие «стабильно негативного образа Китая и китайцев в Монголии», а Россия – правопреемник СССР (последний являлся «гарантом независимости МНР») – видится как «противовес китайскому вызову» [6. С. 89–96].

Согласно концепции монгольского дипломата Б. Баясгалана, спланированная политика КНР и России заключается в том, чтобы держать Монголию на определённом экономическом уровне, не давая развиваться самостоятельно [7]. В своей монографии он констатирует, что социалистическая зависимость сменилась китайской. Это проявляется во всех сферах монгольской экономики. Наряду с критикой российской «эксплуатационной» политики в Монголии автор пишет: «На деле большинство монголов по достоинству оценивают и уважают Россию, считая, что она сыграла решающую роль в завоевании и достижении международного признания независимости Монголии, в подъёме культуры, оздоровлении, просвещении, развитии промышленности и градостроительства для народа, которому помогла избавиться от средневековой отсталости... Россия является... крупнейшей гарантией независимости Монголии» [Там же. С. 16]. Такое мнение свойственно образованным, сведущим в истории людям, обычно взрослого поколения.

Сегодня бедность, имеющая издержки система здравоохранения, коррупция, как правило, ассоциируются с Китаем, причины всего негативного видятся в его влиянии, но, очевидно, не всё население именно таким представляет себе южного соседа [5. Р. 188–190]. Для некоторых монголов Китай выступает как пространство, открытое для реализации возможностей и идей, которые трудно осуществить внутри своей родины [8. Р. 8], особенно это актуально для монголов, имеющих опыт продолжительного проживания в современных развитых китайских городах [9. Р. 54].

Китай является ключевым источником розничных товаров на монгольском рынке. Кроме «профессионалов», множество семей различного социального статуса занимается по совместительству челночной торговлей, имеющей значительный вес в их бюджете. Поскольку само слово «Китай» (монг. *Хятад*) несёт в себе негативные коннотации, вместо «Товары из Китая» на многочисленных магазинах Улан-Батора размещают вывеску «Пекинские товары» (монг. *Бээжин бараа*). Стоит отметить, что ситуация повсеместной торговли стала характерной чертой современного монгольского общества. Помимо одиночных бродячих продавцов, разнообразия мелких уличных лавок в столице нам не раз приходилось сталкиваться с навязчивым желанием что-либо реализовать в не связанных с коммерцией местах. К примеру, в Союзе художников Монголии во время моей работы с информантом одна из деятелей искусств предложила приобрести немецкую шубу. На кафедре негосударственного Монгольского национального университета мы не раз сталкивались с рыночной атмосферой, когда преподаватели покупали одежду, косметику и т.п., у кочующими по кабинетам продавцами.

Считается, что основную тяжесть синофобии несут монгольские женщины. Некоторые монголки выстраивают более позитивные отношения с китайцами, чем со своими соотечественниками, и образуют семьи [8]. При небольшом населении Монголии в 3 млн человек гражданами страны это переживается особенно остро. Известны распространённые до последнего времени случаи нападения ксенофобов-националистов на женщин, замеченных в компании китайцев. Как реально обстоят дела в монголо-китайских семьях, считаются ли китайские мужья трудолюбивее монгольских – сказать трудно, поскольку в монгольских СМИ рисуют картину подобных браков далеко не яркими красками и крайне субъективно [7. С. 85].

Китайские интервенции в культурное наследие монголов. По мнению монгольских авторов, китайцы хотят подчинить себе Монголию также через формы культуры и искусства, пытаясь зарегистрировать в ЮНЕСКО как свои такие оригинальные предметы материальной и духовной культуры монголов, как горловое пение, протяжные песни и смычковый музыкальный инструмент *морин хуур* [10].

Известно «культурное противостояние» между двумя странами и обществами в отношении этнической идентификации великих монгольских ханов Чингисхана и Хубилая. Интерпретация Чингисхана как китайского национального героя встречает у монголов ожесточённый отпор [7. С. 99, 100–101]. Международный аэропорт Улан-Батора был в срочном порядке переименован в честь Чингисхана, когда монгольское руководство выяснило, что имя великого хана хотят дать одному из аэропортов в КНР.

В январе 2015 г., узнав, что правительство КНР планирует грандиозно отмечать 800-летие Хубилая, монгольская научная общественность во главе с президентом АН Монголии Б. Энхтувшином направила письмо президенту страны Ц. Элбэгдоржу «Об обосновании празднования 800-летнего юбилея со дня рождения великого монгольского правителя Хубилайхана» [11]. По состоянию на конец года широкое празднование этого события в Монголии так и не состоялось из-за отсутствия финансовых средств, если не считать проведение концерта на главной площади страны – площади имени Чингисхана и научной конференции в столице. Официальных мероприятий в КНР по этому поводу также не состоялось. Стоит полагать, что боязнь «приватизации» имени Хубилая китайцами есть ещё одно проявление монгольской синофобии.

Тогда же, в январе 2015 г., СМИ ярко освещали «сенсационное открытие» на территории современной Монголии северного ответвления Великой китайской стены, сделанное британским исследователем У. Линдсеем. Монгольский археолог А. Энхтур высказался категорически против подобной интерпретации находки, полагая, что британский учёный за часть стены принял знаменитый «вал Чингисхана» [12]. Подобные китайские интервенции в пространство культурного наследия Монголии встречают противодействия, словно это действительно нападки на «тело

монгольской нации». Уже цитированные Ф. Бийе и Б. Баясгалан приводят в своих работах множество примеров повседневной синофобии. В обвинениях Китая во всех мыслимых и немыслимых неурядицах Монголии мы сталкиваемся с ситуацией, именуемой в социальной психологии «социальной казуальной атрибуцией» – «объяснением собственных бед внешними причинами» [13. С. 219].

Истерия, подобная синофобской, всколыхнула монголоязычный сегмент Интернета и СМИ после вступления 14 октября 2014 г. в силу Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан двух стран, вводящее безвизовый 30-дневный период. Многие авторы полагали, что в результате этого акта в Монголию нахлынет множество русских, большинство из которых приедет с криминальными целями. Это говорит об особенностях собирательного портрета россиянина в Монголии.

Тем не менее в результате неблагоприятных экономических реформ 1990-х гг. и пресыщения «демократическими преобразованиями» в монгольском обществе появились устойчиво положительные образы-воспоминания о социалистических временах, «более стабильных и благополучных». По результатам массовых опросов монгольского фонда изучения общественного мнения «Сант Марал», Россия положительно воспринимается населением и ставится на первое место в перечне желаемых иностранных партнёров Монголии [14. С. 130–131]. При ответе на вопрос, «с какими странами нужно поддерживать дружеские отношения и развивать экономическое сотрудничество» свыше 80% наших западномонгольских респондентов выбрали северного соседа. За первый год безвизового режима Россию посетило 500 тыс. монголов, в основном, с торговыми целями.

Образы «двух Китаев». Среди населения столицы крайне популярны китайские места общественного питания. Одновременно с этим «монголы жалуются на засилье китайских и корейских ресторанов в Улан-Баторе», что говорит о некотором нелогичном восприятии реальности [9. Р. 47]. Несмотря на всю нелюбовь, многие монгольские студенты едут учиться в КНР по причине предоставления бесплатного качественного образования. Молодёжь считает, что, зная язык, работать в Китае перспективно из-за возможности найти высокооплачиваемую должность. Согласно распространённому мнению китайцы думают, что через 20 лет в Монголии им понадобятся знающие китайский язык. Как высказался в беседе один из наших знакомых, «где-то 10 лет назад это было горячей темой, а сейчас китайцы работают дерзко, монголы уже всё поняли. Монголия – это такая территория, где живёт 3 млн – население одной деревни».

Сейчас в КНР ежегодно по государственным квотам отправляются на обучение 1 000 студентов, 500 военнослужащих и 250 работников СМИ, а также 1 000 граждан для повышения квалификации. В Монголии опасаются, что в КНР у этих людей могут сформировать мнение, «что внешние монголы и китайцы – одного происхождения... подавляя нацио-

нальное самосознание» [7. С. 71–72]. Угроза китайского доминирования видна и в горнодобывающей деятельности Монголии. В среде синофобски настроенных монголов бытует мнение, что китайцы производят незаконную добычу полезных ископаемых, иногда сводимую к беспорядочным нелегальным разработкам земли, которая в традиционном мировоззрении монголов считается матерью.

Действительность демонстрирует иное положение дел. Без активных инвестиций Китая в экономику Монголии (около 45% в 2012 г.) и последующей скупки КНР основного количества монгольского сырья (около 80%) взлёт добывающей промышленности в стране был бы невозможен [15. С. 182]. По разным подсчётам, в Монголии функционирует около 7 000 китайских компаний [7. С. 47]. Может быть, цифра завышенная, но чтобы убедиться в относительной правоте сказанного, необходимо понаблюдать в столице у здания Иммиграционной службы Монголии за группами прибывающих автобусов с китайскими рабочими, ожидающими, пока их руководитель оформит кипы паспортов. Граждан прочих стран здесь единицы. Согласно сведениям Столичного статуправления в 2010 г. в городе проживало 88 граждан КНР, по результатам переписи населения и жилья Монголии того же года данный показатель составлял 8 688 чел.

Примерами совмещения административных ограничений деятельности иностранного бизнеса и коллективного народного негодования по отношению к иностранцам, прикрытого отвлечёнными рассуждениями о нападениях на девственную монгольскую природу, являются случаи преследования владельца российской золотодобывающей компании «Золотой Восток – Монголия» и обстрел трактора, принадлежавшего иностранной горнодобывающей компании «Пуррам» [16. С. 202].

Нелегальные старатели (так называемые *ниндзя*) «совершают захваты техники и золотоносных участков легальных компаний (зачастую иностранных)» [15. С. 178]. Такое отношение к природе вчерашних скотоводов-экофилов считается нормой и не встречает порицания в обществе. Скорее, наоборот, среди монголов распространён миф о перспективе мгновенного обогащения, если стать *ниндзя*.

Вместе с тем в монгольском обществе есть положительный образ КНР. Большую роль в его формировании играют механизмы «мягкой силы», к которым относятся Институт Конфуция, учреждённый в 2007 г. при Монгольском государственном университете, и открытый в Улан-Баторе «Центр культуры Китая». В некоторых частных вузах на договорной основе преподают учителя из КНР. Более чем в 60 столичных школах организуется углублённое изучение китайского языка. Указанные учреждения проводят широкую культурно-образовательную деятельность: организуют курсы по преподаванию китайского языка и различные научные мероприятия и стажировки на территории КНР, проводят консультации для желающих учиться в КНР, сдачу квалификационного экзамена на знание китайского языка HSK и т.п. [17. С. 192]. Складывается впечатление, что современные

монголы имеют представление о «двух Китаях»: культурном, транслируемом Институтом Конфуция и прочими аналогичными центрами, и враждебном / бескультурном, подпитываемом бытовыми страхами.

Боязнь потерять национальную независимость страны иллюстрируется известными примерами китайских географических карт с изображением территории Монголии в составе Китая и околонучными публикациями на эту тему, изданными в КНР и объясняющими исторические претензии. Помимо уличных граффити, угроз в отношении женщин, состоящих в интимных связях с китайцами, и призыва радикальных националистов к расправе с китайцами, имевших широкое хождение в монгольском обществе в 1990-е – начале 2000-х гг., одним из способов избежания китаизации была борьба с условно называемым монгольскими китаефобами «лингвистическим засилием» путём замены вывесок на китайском и других азиатских языках на монгольские. Интересно, что западные и русский языки были проигнорированы [18. Р. 241–242]. Таким способом родному монгольскому языку должен отдаваться приоритет. Английский язык сегодня считается языком не какой-то отдельной страны или культурно-исторической общности, но языком международного общения, языком мира, заменив собой у монголов в этом значении русский язык.

Третий путь. Сегодня монголы, вышедшие из «социалистических пут», ощущают культурную близость к западному миру. Как бы то ни было, на деле все выливается в американизацию. Английский язык современной монгольской молодёжью ассоциируется «с представлениями о богатстве, успехе и современности» [Ibid. 245]. В этом выводе французский антрополог отталкивается от факта использования латиницы в смс-сообщениях и интернет-переписке. По нашим наблюдениям, причины довлеющей латиницы состоят в банальном отсутствии кириллического алфавита, который принят в монгольском языке, в телефонах корейского и китайского производства, бытующих в стране. Собственно, и весь софт компьютеров, эксплуатируемых в Монголии, установлен на английском языке. Когда люди начинают использовать монголоязычный софт, то, по их собственным выражениям, они «не понимают перевода на родной язык компьютерной терминологии».

В результате насаждения среди молодёжи западных ценностей (в американском прочтении) трансформируются традиционные базисы монгольской культуры: «религиозность, скромность, стремление к стабильности, единение с природой, традиционализм, коллективизм, уважение корней» [19. С. 16–17]. Под влиянием англицизмов изменяется монгольский язык. В сумме с латинизацией монголоязычных смс и интернет-общения это ведёт к слабому владению молодёжью грамматикой и правописанием родного языка. С этим обстоятельством мы неоднократно сталкивались во время преподавания русского языка студентам Монгольского национального университета в 2013–2015 гг.

В обществе становится популярным изучение английского языка. Многие бывшие учителя русского

языка, когда основная работа стала ненужной, выучили английский и перекаленифицировались на преподавателей этого языка. Здесь сработал традиционный монгольский принцип, воплощенный в словосочетании *хос морь* ('парная, сменная лошадь'): человеку желательно иметь две специальности – одну основную и вторую «запасную». Итак, традиционное видение в китайцах угрозы национальной самобытности обусловлено исторически и является одним из важных факторов, сплачивающих монголов как нацию. Это обстоятельство нивелирует прочие идентичности у разных групп монголов, замещая всё гражданской. Видение во всём комплексе внутренних монгольских проблем китайской вины подпитывает ксенофобию, в большей степени, среди малообразованной части населения.

Положительный образ Китая формируется в результате работы институтов «мягкой силы». И, несмотря на стабильное наличие в обществе «китайских страхов», многие монголы мечтают учиться в КНР и остаться в дальнейшем там работать. Когда важнее личная выгода или ставится вопрос о выживании человека и его семьи в непростых социально-экономических реалиях Монголии, повседневная неприязнь к южному соседу в национальном самосознании монголов откатывается на второй план. Желание выйти на арену мировых политических процессов и избавиться от ярма страны, географически зажатой между двумя державами, вывело Монголию на третий путь – выстраивание отношений с США, Японией, Южной Кореей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галенович Ю.М. Китайские претензии: Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2015. 1136 с.
2. Хэрлэн Д. «США являются важнейшим “третьим соседом” Монголии» // Монголия сегодня. 2015. 11 окт. № 41 (694).
3. Kaplonski C. Reconstructing Mongolian nationalism: the view ten years on // Mongolian political and economic development during the past ten years and future prospect. International Conference Hall Taipei, Taiwan (Aug 23–24, 2000). Taipei, 2001. P. 328–365.
4. Birtalan A. Religion and Mongol Identity in the mid-19th Century Uрга. On the Basis of a Mongolian Monk's Oral Narratives Recorded by Gabor Balint of Szentkatolna in 1873 // Quaestiones Mongolorum Disputatae. № 8. Tokyo: International Association for the Study of Mongolian Cultures, 2012. P. 25–54.
5. Bille F. Different Shades of Blue: Gay Men and Nationalist Discourse in Mongolia // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2010. Vol. 10, is. 2. P. 187–203.
6. Родионов В.А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000–2013 гг.) // Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений. Улан-Удэ: БГУ, 2014. С. 89–96.
7. Баясгалан Б. Монголия в тисках её соседей. Суровые испытания и благоприятные возможности. Берлин: LAP, 2014. 174 с.
8. Bille F. Indirect interpellations: hate speech and «bad subjects» in Mongolia // Asian Anthropology. 2013. Vol. 12, № 1. P. 3–19.
9. Bille F. Faced with extinction: myths and urban legends in contemporary Mongolia // Cambridge Anthropology. 2008. Vol. 28, № 1. P. 34–60.
10. Tsetsentsolmon B. The 'gong beat' against the 'uncultured': contested notions of culture and civilization in Mongolia // Asian Ethnicity. 2014. Vol. 15, № 4. P. 422–438.
11. Содбилэг С. Ж. Болдбаатар: Хубилай-хан был великим и мудрым правителем, защищавшим интересы Монголии // Монголия сегодня. 2015. 18 янв. № 3 (656).
12. Гандол С. «Невозможно считать, что Великая китайская стена продолжается по территории Гоби в Монголии» // Монголия сегодня. 2015. 25 янв. № 4 (657).
13. Чернявская Ю.В. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 198–226.
14. Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.
15. Михалёв А.В. Повседневность экономического национализма, или Кому принадлежит золото Монголии? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том. XVII, № 5 (76). С. 177–191.
16. Михалёв А.В. «Золотая лихорадка в Монголии» и проблема трансформации кочевого общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 196–204.
17. Михалёв А.В. Институты публичной дипломатии КНР в современной Монголии // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 190–194.
18. Bille F. Sounds and Scripts of Modernity: Language Ideologies and Practices in Contemporary Mongolia // Inner Asia. 2010. № 12 (2). P. 231–252.
19. Цэдэв Н.Х. К вопросу о базисных ценностях монгольской молодёжи // Ценности и культурные константы народов Западной Монголии (Евразийские этюды). Улан-Батор: Б.и., 2009. С. 15–17.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2016 г.

IMAGES OF CHINA AND THE CHINESE IN MONGOLIAN NATIONAL MENTALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 152–157.

DOI: 10.17223/15617793/406/24

Terentyev Vladislav I. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: vlad33@bk.ru

Keywords: Mongolia; China; Mongols; sinophobia; national mentality; nation; alien's image.

Mongolia borders only two countries, Russia and China. Images of the northern and southern neighbors take an important place in Mongolian national mentality. After the collapse of the soviet block, Mongolian authorities became to develop new kinds of external relationships with the “third neighbor” (set of West European states, USA, Southern Korea and Japan). The image of the new player and democratic values in their western interpretation successfully integrated in Mongol national mentality. The new foreign policy of the “third neighbor” is interpreted as an attempt to secede from Russian and Chinese influence. The idea that China and the Chinese are “alien” for Mongols has real historical roots. Military confrontation between nomadic and civilized worlds continued up to the 18th century when Mongols were totally incorporated in the Qin Empire. Qin colonial policy in Outer Mongolia was enforced in the beginning of the 20th century by increasing military contingent and Chinese migration. This policy inspired the resistance movement and proclamation of independence of Mongolia in 1911. Negative attitude to Chinese merchants gradually became the factor of solidarity of all Mongols through the ages up to our times. In some sense it became one of the core factors that constituted

Mongolian national identity. The Chinese threat is a stable fear of contemporary Mongols. In fact poverty, problems with national medicine, corruption and other negative trends are associated with China in common. However, not all the population sees the southern neighbor in such a way. According to Mongolian authors, China has an intention to subordinate Mongolia through culture policy. They insist that China tries to register original objects of material and spiritual Mongolian culture in UNESCO as their own. At the same time the positive image of China exists in the Mongolian society. China's "soft power" policy plays a great role in the formation of this positive image. Some of the main instruments of this policy are the Confucius Institute opened in Mongolian National University in 2007 and the Centre for Chinese Culture in Ulan Bator. Today Mongols have an image of "two Chinas": civilized and uncivilized. The traditional negative attitude to the Chinese reduces subethnic identities of Mongolian people. The common premise to construe internal problems as a result of China's influence inspire xenophobia especially through undereducated citizens. Despite the popular "Chinese fears" many Mongols wish to study and work in the PRC. Personal interests to survive in the difficult socioeconomic environment have power to displace the ordinary negative attitude to the southern neighbor to the background of national mentality.

REFERENCES

1. Galenovich, Yu.M. (2015) *Kitayskie pretenzii: Shest' krupnykh problem v istorii vzaimootnosheniy Rossii i Kitaya* [The Chinese claim: Six major problems in the history of relations between Russia and China]. Moscow: SPSL; Russkaya panorama.
2. Kherlen, D. (2015) SShA yavlyayutsya vazhneyshim "tret'im sosedom" Mongolii [The USA is the most important "third neighbor" of Mongolia]. *Mongoliya segodnya*. 11 October. 41 (694).
3. Kaplonski, C. (2001) Reconstructing Mongolian nationalism: the view ten years on. *Mongolian political and economic development during the past ten years and future prospect*. International Conference Hall Taipei, Taiwan. Aug 23–24, 2000. Taipei. pp. 328–365.
4. Birtalan, A. (2012) Religion and Mongol Identity in the mid-19th Century Urga. On the Basis of a Mongolian Monk's Oral Narratives Recorded by Gabor Balint of Szentkatolna in 1873. *Quaestiones Mongolorum Disputatae*. 8. pp. 25–54.
5. Billie, F. (2010) Different Shades of Blue: Gay Men and Nationalist Discourse in Mongolia. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 10:2. pp. 187–203.
6. Rodionov, V.A. (2014) Politicheskie obrazy Rossii v diskursivnykh praktikakh SMI Mongolii (2000–2013 gg.) [Political images of Russia in the discursive practices of the media in Mongolia (2000–2013)]. In: Rodionov, V.A. (ed.) *Aktual'nye voprosy sovremennykh rossiysko-mongol'skikh otnosheniy* [Topical issues of modern Russian-Mongolian relations]. Ulan-Ude: Buryat State University.
7. Bayasgalan, B. (2014) *Mongoliya v tiskakh ee sosedey. Surovye ispytaniya i blagopriyatnye vozmozhnosti* [Mongolia in the grip of its neighbors. Severe tests and opportunities]. Berlin: LAP.
8. Billie, F. (2013) Indirect interpellations: hate speech and "bad subjects" in Mongolia. *Asian Anthropology*. 12:1. pp. 3–19.
9. Billie, F. (2008) Faced with extinction: myths and urban legends in contemporary Mongolia. *Cambridge Anthropology*. 28:1. pp. 34–60.
10. Tsentsolmon, B. (2014) The "gong beat" against the "uncultured": contested notions of culture and civilization in Mongolia. *Asian Ethnicity*. 15:4. pp. 422–438.
11. Sodbileg, S. (2015) Zh. Boldbaatar: Khubilay-khan byl velikim i mudrym pravitelem, zashchishchavshim interesy Mongolii [J. Boldbaatar: Kublai Khan was a great and wise ruler who defended the interests of Mongolia]. *Mongoliya segodnya*. 18 January. 3 (656).
12. Gandol, S. (2015) Nevozmozhno schitat', chto Velikaya kitayskaya stena prodolzhaetsya po territorii Gobi v Mongolii [It is impossible to believe that the Great Wall continues in the Gobi area of Mongolia]. *Mongoliya segodnya*. 25 January. 4 (657).
13. Chernyavskaya, Yu.V. (2008) Identichnost' na fone mifa [Identity on the background of the myth]. *Antropologicheskii forum*. 8. pp. 198–226.
14. Rodionov, V.A. (2009) *Rossiya i Mongoliya: novaya model' otnosheniy v nachale XXI veka* [Russia and Mongolia: a new model of relations in the beginning of the 21st century]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
15. Mikhalev, A.V. (2014) Povsednevnost' ekonomicheskogo natsionalizma, ili Komu prinadlezhit zoloto Mongolii? [Routine of economic nationalism, or Who owns the gold of Mongolia?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. XVII:5 (76). pp. 177–191.
16. Mikhalev, A.V. (2012) "Zolotaya likhoradka v Mongolii" i problema transformatsii kochevogo obshchestva ["Gold Rush in Mongolia" and the problem of the transformation of a nomadic society]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 8. pp. 196–204.
17. Mikhalev, A.V. (2012) Instituty publichnoy diplomatii KNR v sovremennoy Mongolii [PRC Institutes of public diplomacy in modern Mongolia]. In: Bazarov, B.V. (ed.) *Mir Tsentral'noy Azii – 3* [The World of Central Asia – 3]. Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk.
18. Billie, F. (2010) Sounds and Scripts of Modernity: Language Ideologies and Practices in Contemporary Mongolia. *Inner Asia*. 12 (2). pp. 231–252.
19. Tsudev, N.Kh. (2009) K voprosu o bazisnykh tsennostyakh mongol'skoy molodezhi [On the basic values of the Mongolian Youth]. In: Ivanov, A.V. (ed.) *Tsennosti i kul'turnye konstanty narodov Zapadnoy Mongolii (Evraziyskie etyudy)* [Values and cultural constants of the peoples of Western Mongolia (Eurasian Studies)]. Ulan-Bator.

Received: 15 March 2016